

Хотя оба Ду были вполне самостоятельными, годами они всё же не вышли. К счастью, соседи могли выступать в роли хозяев, да и Ду Чжунпин обладал учёной степенью, поэтому всё обошлось. Однако Фан Шэн сказал, что лучше пригласить старосту в качестве почётного гостя — тот пользовался в деревне большим авторитетом, и его присутствие украсило бы и хозяев, и гостей.

За это время Ду успели понять, что нравы здесь суровы. Люди в целом неплохие, но всегда делят своих и чужих. Открытой вражды к пришлым не было, но несколько семей, прибывших позже, всё же чувствовали себя неуверенно, не могли говорить твёрдо.

К счастью, Чжао Ба относился к ним хорошо — ходили слухи, что на войне он был отчаянным, поэтому местные его уважали. Да и староста их опекал, так что Ду не ощущали особых трудностей.

Староста, закрутившийся как белка в колесе, сразу согласился прийти вечером и снова погрузился в дела.

Ду Чжунпин удивился: в семье старосты много народу, да и тесть живёт рядом, все дела должны быть давно улажены. Даже шурина нашёл время починить тёплую стену — чем же он ещё занят?

Вернувшись, он поделился мыслями. Второй брат Ли, выложивший стену уже по колено, услышав вопрос, усмехнулся: «Ранее кто-то отправил весточку домой, мол, здесь пропитание добывать легче, звал семью перебираться. Видать, кто-то прибыл, шурину надо их обустроить».

И добавил: «Теперь-то хорошо будет. Раньше в деревне одни холостяки, каждый сам по себе — житья не чувствовалось. А с жёнами да детьми оживёт, на настоящую жизнь станет похоже. А то ведь говорили, будто в деревню эту как в казарму попал». Все рассмеялись.

Второй брат Ли работал проворно, и стена вскоре поднялась ещё.

Чжао Ба сказал: «Ду Ань, иди готовь, тут я помогу. Как брат стену закончит, сразу застряпню возьмёмся, а то стемнеет — ему путь не близкий».

Оказалось, второй брат Ли был не здешним, родом из Лицзяпуцзы, что в десяти ли отсюда, коренным оседлым жителем. Сестра вышла за старосту, вот он и сдружился с деревней Цинню, часто навещался. Ду Ань отмыл руки от глины и пошёл чистить овощи.

Когда тёплую стену сложили, все вышли передохнуть. Ду Чжунпин хотел помочь на кухне, но Ду Ань, счтя его помехой, вытолкал вон. Тот вышел с Цзинь-эром развлекать гостей.

На улице завязалась беседа, потянулись на воспоминания. Второй брат Ли сказал, что Ду крупно повезло попасть в деревню Цинню.

Ду Чжунпин ответил: «И правда повезло, даже не надеялись на такой хороший дом с двором».

Второй брат Ли прервал его взмахом руки: «Я не об этом. В урожайный год, поработав в поту, можно и дом поставить. Я о том, что ваша деревня — это бывшие солдаты, осевшие здесь, всего несколько лет назад. Коренных жителей нет, а это большое благо. В других местах все роднёй переплетены, пришлому и слова не вставить. Да ещё мой шурина — человек с авторитетом, да вы с Чжао Ба дружны. Иначе вам, молодым, тут обосноваться было бы нелегко».

Ду Чжунпин закивал: «Много свету мы от брата Чжао получили».

Чжао Ба серьёзно ответил: «Мы с Фан Шэном тоже родни не имеем. Сошлись характерами — вот и стали как родня, братьями вас считаем. О каком свете речь?»

Второй брат Ли сказал: «Вы народ прямой, родни у вас нет, вот и держитесь друг за дружку — так и проживёте. Говорится ведь: ближний сосед дальней родни дороже. Сосед хороший иной раз родственника стоит». Все согласились.

Вскоре явился староста, началось застолье. Ду Ань приготовил жирного петуха по местному рецепту: потушил с размоченными сушёными грибами, пока мясо не стало мягким. Блюдо вышло на славу, всем понравилось.

Все последние дни только тем и занимались, что урожаем убирали, животы подвело. Закуски мигом смели, даже соусом рис заправили.

На следующий день семья Ду снова пошла помогать Чжао Ба, и они почувствовали себя ещё ближе.

Гаолян уже обмолотили, оставалось только рассыпать на брезенте сушиться.

Чжао Ба научил Ду Аня строить кукурузный амбар: на земле выложили кирпичный настил, по периметру вбили колья, а между ними уложили отобранные кукурузные стебли, очищенные от листьев, — один к одному. Очищенные початки засыпали внутрь, придавив стебли. Получился вытянутый прямоугольник в человеческий рост. В таком амбаре кукуруза проветривалась, не прела, кирпичи снизу защищали от грызунов, а сверху в дождь или снег можно было накинуть брезент — удобнее не придумать.

С кукурузой возни меньше, чем с гаоляном: снял початки, сложил в амбар, а зёрна потом, в свободную минуту, по одному облущишь. За несколько дней упорной работы вся кукуруза оказалась внутри.

Привезённые дрова за эти дни просохли. Чжао Ба выбрал за двором ровное место у дерева, и они сложили поленницу. В конце Чжао Ба взобрался на самый верх и придал поленнице треугольную вершину, затем верёвкой привязал несколько камней для груза: «Теперь сойдёт. Ни дождь, ни снег не страшны — промокнет только верхний слой, низ останется сухим. Берите всегда со стороны, противоположной дереву, там упор — не завалится».

Погода постепенно холодала, и в каждой семье заканчивали последние приготовления. В тот день староста ударил в колокол, созывая всех на пустырь посреди деревни, и объявил, что завтра — в горы. Охотники соберутся на рассвете, а собиратели могут выходить когда угодно, но вечером, когда мужчин в деревне почти не останется, следует беречь дома.

Трое Ду пришли в возбуждение и сразу помчались к соседям советоваться.

У тех Фан Шэн как раз месил тесто для лепёшек — провиант Чжао Ба в дорогу. Охотники уходили на несколько дней, еды нужно было вдоволь.

Ду Чжунпин спросил: «А добычу на огне зажарить нельзя? Зачем с собой нести?»

Чжао Ба, как раз разбиравший своё снаряжение, услышав вопрос, ответил: «На охоте как повезёт. Может, много набьёшь, а может, впустую побродишь. Мы все тут бывшие солдаты, до охотников нам далеко, многому учиться надо. Да и осенью сухо, ветрено — в лесу огонь

разводить нельзя, разве что в крайнем случае, а то спалишь всё, мало не покажется. Потому и берём припас».

Ду Чжунпин принял наставление. Затем спросил Фан Шэна о его планах. Тот ответил: «Завтра со мной в горы и отправитесь. Далеко не пойдём, к вечеру вернёмся. Только обед с собой. Я большие корзины припас, вам мешки пару захватить».

На следующее утро Чжао Ба и впрямь уже ушёл. Ду Чжунпин взял корзину с едой и водой, Ду Ань посадил Цзинь-эра на руки, и они с Фан Шэном двинулись в горы. Фан Шэн вынес две большие заплечные корзины, одну взял себе, другую отдал Ду Аню. По пути встретили несколько таких же собирателей. Фан Шэн сказал: «Сегодня пойдём со всеми за осенними дарами, а через пару дней — за травами. А то потом ничего не останется».

Вскоре вошли в лес. Тропа пологая, листья золотые, ветер шумит в кронах. Все шли, переговариваясь и смеясь, было так оживлённо, что осенняя тоска и не думала навевать.

Шли по протоптанной тропке, извилистой, но утоптанной до твёрдости — видно, часто ходят.

Через некоторое время увидели невысокие деревья, увешанные гроздьями красных ягод — боярышник. Все остановились собирать. Ловкие мигом взбирались на деревья, другие сбивали ягоды палками или трясли молодые деревца.

Даже Ду Ань полез на дерево. Цзинь-эр, подражая другим, подбирал с земли упавшие ягоды и складывал в корзину. Его похвалили, он смутился и уткнулся в Ду Чжунпина, отчего все рассмеялись ещё громче.

<http://bllate.org/book/16286/1467443>